КОНГРЕССЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

© 1994 г., ЭО, № 4

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

21—24 октября 1993 г. в Омске проходила Всероссийская научно-практическая конференция «Региональные проблемы межнациональных отношений в России». Ее организаторами стали Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, администрация Омской области и Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН. Соорганизаторами конференции выступили: Государственный комитет Российской Федерации по делам Федерации и национальностей, Омский государственный университет, Сибирский филиал Российского института культурологии, Ассоциация тюркских народов Омской области.

В конференции участвовали не только ученые, но и практические работники, занимающиеся вопросами межнациональных отношений: сотрудники комитетов по делам национальностей администраций краев и областей России — всего около 150 человек из разных городов России, а также из Эрфурта (Германия).

На пленарном заседании собравшиеся почтили минутой молчания память скоропостижно скончавшегося перед началом работы конференции члена ее оргкомитета, одного из крупнейших сибиреведов-этнографов, ведущего научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН доктора исторических наук Владимира Ивановича Васильева. На пленарных и секционных заседаниях было заслушано 49 докладов. Во время работы конференции участники получили возможность ознакомиться с ее материалами, изданными отдельным сборником*.

На конференции был обсужден широкий круг вопросов: роль политического фактора в решении национальных проблем, исторические аспекты межнациональных отношений, пути и способы предотвращения и преодоления этнических конфликтов, роль культуры в стабилизации этноса, проблемы соотношения науки и практики в сфере межэтнического общения и др.

Конференция открылась приветствием заместителя главы администрации Омской области Л. А. Еловикова (Омск). Затем участников приветствовала начальник отдела этнических россиян Госкомфедерации Н. Р. Маликова (Москва).

На пленарном заседании были заслушаны доклады директора Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишкова (Москва), директора Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН Н. А. Томилова (Омск), заведующего отделом народов Южного Урала Башкирского научного центра Р. Г. Кузеева (Уфа), сотрудника Института российской истории РАН Ш. Ф. Мухамедьярова (Москва), сотрудника Института этнологии и антропологии РАН В. А. Шнирельмана (Москва).

В докладе «Этничность и национализм в постсоветском пространстве» В. А. Тишков рассмотрел актуальные проблемы развития этнических и межэтнических отношений на территории бывшего СССР после его распада. Особое внимание было уделено причинам и путям преодоления «нового» национализма, предложены конкретные меры по совершенствованию федеральной структуры Российского государства.

В докладах Н. А. Томилова «Региональные отношения и национальные проблемы малочисленных народов и национальных групп Сибири», Р. Г. Кузеева и Ш. Ф. Мухамедьярова «Межнациональные отношения народов Поволжья и Урала: анализ и прогноз» были рассмотрены проблемы национальных отношений в сибирском и поволжско-приуральском регионах. Докладчики выразили озабоченность усилением дестабилизирующих явлений в полиэтнических районах России. В докладе Н. А. Томилова затронуты проблемы национально-территориальных и национально-культурных автономий для малочисленных народов и национальных групп Сибири, роли ученых в разработке региональных программ профилактики межнациональных конфликтов. Р. Г. Кузеев и Ш. Ф. Мухамедьяров отметили значение национальных движений в стабилизации межнациональных отношений в различных районах России.

Значительный круг вопросов был поднят в докладе В. А. Шнирельмана «Наука и этнополитика». Отметив, что политика (этнополитика) часто рассматривает исторические версии как инструмент для проведения той или иной линии, докладчик отметил, что эти версии в переложении некоторых историков носят ярко выраженный мифологический характер. Особое значение в этом плане, по мнению докладчика, имеют исследования по этногенезу. Мифологизация этногенеза, по мнению докладчика, призвана повысить статус и авторитет изучаемого этноса. Выполнению этой задачи вполне способствовало ложное толкование фактов, неверная их интерпретация или даже заведомая фальсификация. В последние годы этногенетическое мифотворчество стало обоснованием

---

* Региональные проблемы межнациональных отношений. Материалы всероссийской конференции. Омск, 1993. 336 с.

территориальной экспансии. Преодоление мифотворческих тенденций в науке, по мнению докладчика, необходимо начинать еще на этапе обучения будущего специалиста.

В дальнейшем конференция работала по трем секциям. На первой секции «Этничность и политика» (руководители Ш. Ф. Мухамедьяров и Н. А. Хвостов) было заслушано 10 докладов. Исторический опыт взаимодействия народов и роль государства в разрешении этнических противоречий были рассмотрены в докладах Е. Н. Жидковой (Ижевск) «К вопросу о национальном самоопределении удмуртского народа в 1920—1922 гг. (образование Вотской автономной области)»; Н. А. Хвостова (Омск) «К вопросу уроков истории в межнациональных отношениях (на примере взаимовлияния русского и казахского народов в XVIII — начале XX в.)», Л. Г. Протасова (Тамбов) «Национальные партии на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 году». Проблемы Федерации и суверенитета народов России на современном этапе рассмотрены в докладах В. Д. Михайлова (Якутск) «Суверенизация как форма защиты этнических интересов», Л. Б. Сагитовой (Казань) «Идеи национального возрождения и межнациональные отношения (на примере Республики Татарстан)», И. Е. Томского (Якутск) «Важная проблема возрождения народов Российской Федерации», В. И. Юртаевой (Нижний Новгород) «Проблемы межнациональных отношений и малые народности Российского Севера». Экономические аспекты межнациональных отношений затронуты в докладах С. Г. Землянухиной (Саратов) «Межнациональные отношения как форма проявления и разрешения политико-экономических противоречий», А. Ф. Тимофеева (Омск) «Социальные предпосылки и проблемы приватизации: этнорегиональный аспект». Интересный опыт преподавания профессионального немецкого языка в вузах проанализирован в докладе И. Л. Демидовой (Омск) «Преподавание профессионального немецкого языка в университете».

На заседаниях второй секции «Региональные межнациональные конфликты: истоки, пути предотвращения и преодоления» (руководитель В. А. Шнирельман) было заслушано 10 докладов. Теоретические и методологические проблемы конфликтологии, метода прогнозирования и предотвращения межэтнических столкновений были рассмотрены в докладах В. В. Амелина (Оренбург) «Предупреждение, регулирование этнических конфликтов: общие принципы», В. Р. Филиппова (Москва) «Структура межэтнического конфликта», С. Т. Будькова (Ульяновск) «Изменения на географической карте как результат обострения межнациональных отношений». Несколько докладов были посвящены региональным аспектам межэтнических конфликтов, опыту их предотвращения и преодоления в различных регионах России. В этот проблемный блок вошли доклады А. Г. Антипьева (Пермь) «Проблемы национальных и межнациональных отношений на региональном уровне и пути их решения (на примере Пермской области); Ю. Ф. Лыскова (Омск) «Региональные межнациональные конфликты — истоки, пути предотвращения и преодоления», И. М. Габдулгафаровой (Оренбург) «Исторический опыт и перспективы развития межнациональных отношений в Оренбуржье», М. А. Плахотнюк, В. В. Реммлера (Омск, Краснодар) «К проблеме взаимодействия этнических и социально-политических процессов (на примере восточнославянского населения юга Западной Сибири)», Ш. К. Ахметовой (Омск) «Национальные установки городских казахов Западной Сибири (по материалам Омской и Новосибирской областей)». Особый интерес вызвал доклад Н. Р. Маликовой (Москва), посвященный влиянию межэтнических конфликтов на Кавказе на миграционную ситуацию в России. Методам преодоления социальной напряженности в традиционных обществах был посвящен доклад А. В. Головнева (Екатеринбург) «Лидерство в этнических сообществах Севера».

Третья секция «Культура как этностабилизирующий фактор» (руководители А. Н. Садовой, А. Г. Селезнев) собрала наибольшее число докладчиков. На заседаниях секции было заслушано 24 доклада. По тематике выступления можно разделить на несколько блоков. Значительная часть докладов была посвящена проблемам сохранения и возрождения культурных традиций русских и их этнических групп. Эти вопросы затрагивались в докладах В. А. Зверева (Новосибирск) «Влияние православной церкви на социокультурное возобновление поколений в русских селениях Сибири дооктябрьского периода», Ю. В. Аргудяевой (Владивосток) «Свадебная обрядность старообрядцев юга Дальнего Востока как часть русской национальной культуры» и «Роль старообрядцев Дальнего Востока в сохранении традиционной культуры русских», М. Л. Бережновой (Омск) «О взаимоотношениях разных групп русских юга Западно-Сибирской равнины в конце XIX — начале XX в. (по полевым материалам)», В. А. Созинова (Пермь) «Проблемы и перспективы развития русской национальной культуры», Т. Н. Золотовой (Омск) «Календарные праздники как фактор сохранения этнической специфики русских и путь к межнациональному общению», О. Н. Шелегиной (Новосибирск) «Переселенцы, старожилы, коренное население Западной Сибири — результаты этнокультурного взаимодействия».

Вторая группа докладов была посвящена проблемам сохранения культурного наследия, навыков природопользования, языков и современному состоянию коренных народов Сибири. В эту группу вошли доклады А. Н. Садового (Кемерово) «Проблемы выделения элементов традиционности в системах природопользования населения Горной Шории и Тофаларии», Н. Н. Сазонова и Н. Н. Сазоновой (Якутск) «Экологическая культура этносов Якутии», С. С. Буяхаева (Москва) «Национально-культурные центры Бурятии», Н. А. Тадиной (Горно-Алтайск) «Традиционная культура общения алтайцев как этностабилизирующий фактор», И. А. Ерш, А. Г. Селезнева (Омск) «Этнонимы сибирских татар», С. Н. Корусенко (Омск) «Восстановление исторической памяти (проблемы этнической генеалогии)», С. М. Исхаковой, Б. Ф. Валеева (Казань, Москва) «К вопросу о возрождении языка и культуры сибирских татар», М. А. Корусенко (Омск) «Этноязыковые процессы у татар Барабинской степи», Г. М. Патрушевой (Омск) «Этнические процессы среди городских шорцев Кемеровской области в 1990-е годы», Н. В. Кулешовой (Омск)

«Локальные этнические компоненты в составе барабинских татар XIX—XX вв. (по данным генеалогий)», Ф. Т. Валеева, С. М. Исхаковой (Казань, Тюмень), «К вопросу о происхождении термина „Сибирь“».

Особую группу докладов, вызвавших интерес у аудитории, составили выступления Г. В. Першукевич (Омск) «Использование художественных элементов народного костюма в работе над расширением и обновлением одежды детского ассортимента» и И. А. Лаптевой (Омск) «Современное моделирование костюма и его взаимосвязь с цветовой символикой», посвященные проблемам внедрения элементов традиционной народной культуры в повседневную современную практику. В докладе «Проблемы интеграции российских немцев в Германии» А. Кербст (Эрфурт) затронул круг вопросов, связанных с эмиграцией немецкого населения из России. Иные, хотя и близкие по тематике вопросы изучения культуры российских немцев были затронуты в выступлениях Т. Б. Смирновой и С. А. Рублевской (Омск) «К проблеме функционирования элементов традиционной культуры в иноэтническом окружении (на примере немцев Западной Сибири)» и Т. В. Савраниной (Омск) «Некоторые аспекты изучения духовной культуры немцев Западной Сибири». В докладе И. В. Лоткина (Омск) «Современные этнокультурные процессы в материальной культуре латышей Западной Сибири» также затрагивались актуальные проблемы развития национальных меньшинств в современных условиях.

По окончании работы по секциям в рамках конференции был проведен семинар, посвященный проблемам этноархеологии. На нем был заслушан и обсужден доклад В. А. Шнирельмана. Выступивший в прениях Н. А. Томилов рассказал о проблемах, возникших перед созданной в Омске группой археологов и этнографов, приступивших в 1993 г. к работе над поисковой фундаментальной темой «Этнографо-археологические комплексы Западной Сибири».

В прениях по докладам, заслушанным на секциях, наибольший интерес и дискуссию вызвали проблемы взаимодействия политических, социальных и этнических процессов, вопросы федерализма, соотношения центра и регионов, специфики реализации принципа самоопределения народов России на современном этапе и т. д. Участники конференции констатировали, что политические процессы влияют на национальное развитие народов Российской Федерации. В то же время в современной ситуации этнического развития главное место занимают не политические, а экономические, социальные, культурные аспекты. Чрезвычайно важным представляется всесторонний учет региональных, территориальных различий этнического развития. По мнению ученых, демократическая форма развития государства предполагает дальнейшую регионализацию политики, совершенствование федерализма и обеспечение прав человека во всех сферах, в том числе и в национальной. В разрешении национального вопроса необходимо избегать крайностей, придерживаясь позитивного и рационального центризма. В целях стабилизации межнациональных отношений признано целесообразным поддерживать тенденцию формирования региональных воспроизводственных комплексов, призванных удовлетворять потребности региона, и в то же время укреплять горизонтальные межрегиональные связи.

При обсуждении истоков и путей предотвращения межнациональных конфликтов было отмечено, что конфликтология как научное направление находится в России на стадии становления. В этом плане было признано перспективным обращение к западному опыту. С сожалением отмечалось отсутствие представителей ряда регионов (прежде всего Северного Кавказа), которые могли бы ознакомить научную общественность с этнической ситуацией, складывающейся на этих территориях России. Участники конференции подчеркивали, что необходимо всемерно, в том числе и в финансовом плане, поддерживать практику создания программ профилактики межнациональных отношений. В то же время необходимо продолжать поиск рычагов и механизмов реализации этих программ.

Участники дискуссии призвали к сохранению и возрождению традиционной национальной культуры — одного из важнейших этностабилизирующих факторов. В ходе дебатов специально затрагивались проблемы развития культуры восточнославянских этносов России. Была подчеркнута необходимость изучения региональных групп восточнославянского населения, проживающих вне своей территории, а также их историко-этнографических групп — старообрядцев, казаков, белорусов-литвинов и др. Было внесено предложение законодательно ввести обязательную независимую научную экспертизу всех социально-экономических программ, разрабатываемых в полиэтничных регионах. Цель таких экспертиз — не допустить ущемления культурного развития малочисленных народов и национальных групп, проживающих в этих регионах. Участники дискуссии высоко оценили опыт сотрудников Омского технологического института по внедрению в повседневную практику элементов традиционной культуры и отметили важность таких практических разработок.

На заключительном пленарном заседании с отчетами о работе секций выступили их руководители. Принято развернутое решение конференции, в котором содержатся рекомендации органам власти по регулированию национальных отношений и предложения по развитию научных исследований в этой сфере жизни российского общества. Был отмечен высокий научный и методический уровень докладов, а также то, что обсуждение важнейших вопросов проходило в спокойной, доброжелательной и деловой обстановке. Участники поблагодарили организаторов за хороший организационный уровень конференции.

А. Г. Селезнев

© 1994 г., ЭО, № 4

ОХОТНИКИ И СОБИРАТЕЛИ В КОНЦЕ XX ВЕКА

(по материалам 7-го Международного конгресса по традиционным культурам охотников и собирателей)

18—22 августа 1993 г. в Москве на базе Института этнологии и антропологии РАН проходил 7-й Международный конгресс по традиционным культурам охотников и собирателей. Такие конгрессы проводятся примерно раз в три года. Начало им положили небольшой симпозиум, состоявшийся в 1965 г. в Оттаве (Канада), и более представительная конференция в Чикаго в 1966 г. С конца 1970-х годов такие конференции стали регулярными. Их отсчет ведется с Парижской конференции 1978 г., за которой последовали конференции в Квебек-сити (Канада, 1980 г.), Бад Хамбурге (ФРГ, 1983 г.), Лондоне (Англия, 1986 г.), Дарвине (Австралия, 1988 г.), Фэрбенксе (Аляска, США, 1990 г.).

Инициатива проведения очередной конференции в Москве принадлежала В. А. Тишкову — директору Института этнологии и антропологии РАН, который выступил с этой идеей летом 1990 г. Предложение было с энтузиазмом принято международным комитетом, состоявшим из организаторов предыдущих конференций. Заниматься организацией московской конференции было предложено мне. Несмотря на непростые экономические и политические условия в нашей стране, московская встреча ученых прошла успешно.

Что нового дал науке московский конгресс? Мне уже приходилось анализировать некоторые тенденции в развитии исследований традиционных культур охотников и собирателей в связи с предыдущей конференцией [1]. Не говоря уже о том, что за последние 20 лет число участников таких конференций выросло от нескольких десятков вначале до более 100 на последних встречах, постепенно менялась и тематика, и стратегия исследований. Это вызвано тем, что, во-первых, общества охотников и собирателей, по крайней мере некоторые из них, оказались вопреки ожиданиям более устойчивыми к изменениям, которые охватили современное человечество. Во-вторых, бурная модернизация и становление постиндустриальных обществ, как выяснилось, не только не способствуют решению многих жизненно важных проблем, но порождают новые еще более сложные коллизии. Последнее создало стимулы для поиска альтернативных вариантов развития, в частности, заставило по-новому взглянуть на традиционные общества охотников и собирателей. Это-то и стало поводом для организации упомянутых выше регулярных конференций. Ученые стали уделять особое внимание положению охотников и собирателей в современных многонациональных государствах, их взаимодействию с политическими структурами, включению их в рыночную экономику и его последствиям, особенностям борьбы коренного населения за земельные права. На конференции в Фэрбенксе (1990 г.) земельным правам коренных обитателей был посвящен специальный симпозиум, так как этот вопрос в наше время приобретает особую остроту. Ведь в прошлом некоторые западные ученые утверждали, что у бродячего населения не было какой-либо концепции земельной собственности. Тем самым они создавали «научное» оправдание изъятию земель у коренного населения и фактически узаконивали колониальный грабеж. Но если на Западе этот печальный опыт остался в прошлом, то в современной России он становится угрожающим фактором нашего времени. И уже нашелся автор, который в целой серии статей настойчиво «научно» доказывает, что в обществах охотников и собирателей не существовало никакой собственности на землю [2].

Еще одна важная современная проблема касается сохранения и поддержания традиционных этнических культур охотников и собирателей, сохранения их языков. Ведь во второй половине XX в. утрата коренными народами своего культурно-языкового наследия стала реальной угрозой. Более того, речь идет уже о спасении жизни коренных обитателей. Ведь теряя культуру и язык, они сейчас теряют и почву под ногами, не могут вписаться в новые условия, привнесенные чуждой культурой, многие из них не могут в нее интегрироваться. Мне пришлось наблюдать этот процесс у тлингитов Юго-Восточной Аляски, которые, отчаявшись слиться с ядром американского общества, начали в 1970-е годы мощное движение за возврат к своим традиционным ценностям. То же наблюдается в последние годы у коренных народов Российского Севера. Эти непростые процессы выявляют интуитивное стремление народов Арктики и Субарктики к самосохранению. В противном случае, как показывает печальный опыт современности, потеря культурных ориентаций влечет резкий рост алкоголизма, наркомании, антиобщественного поведения, вплоть до инцеста в семьях. Рост убийств и самоубийств, причем главным образом среди молодежи, дополняет этот трагический список, создавая фактическую угрозу вымирания.

Вот почему в программе 7-го Конгресса делался сознательный акцент на современность. В связи с тем, что 1993 г. был объявлен ЮНЕСКО годом коренных народов, казалось вполне уместным привлечь внимание мировой общественности к жизненно важным проблемам этих народов в контексте современности. Конгресс проходил в рамках пяти симпозиумов. 1. Воздействие государства на коренные народы и реакция последних на государственные мероприятия. 2. Экологические и демографические проблемы коренных народов. 3. Изменяющаяся роль женщин в обществах охотников и собирателей. 4. Агрессивное поведение и миротворчество у охотников и собирателей. 5. Символическая и духовная культура.

К сожалению, из-за финансовых обстоятельств не все желающие смогли участвовать в Конгрессе.

Самые большие группы зарубежных участников прибыли из США, Канады и Австралии, остальные страны (Англия, Франция, Германия, Нидерланды, Италия, Финляндия, Япония, Индия, Аргентина, Танзания, ЮАР) были представлены в основном единичными специалистами. Россию представляли около 30 ученых, главным образом из Москвы и Петербурга; отдельные специалисты приехали из Ижевска, Екатеринбурга, Томска, Новосибирска, Иркутска. К сожалению, также из-за финансовых проблем не смогли приехать приглашенные представители ряда коренных народов. Фактически их точку зрения на ряд важных современных проблем высказывала Е. А. Гаер (Москва), которая активно участвовала в работе Конгресса. Существенным представляется и присутствие на Конгрессе представителей Госкомсевера.

Как и следовало ожидать, наибольший интерес у участников вызвали два симпозиума — первый (22 доклада) и пятый (21 доклад). Достаточно представительными были также второй (18 докладов) и четвертый (15 докладов) симпозиумы. Меньше всего докладов (8) было представлено на симпозиуме по гендерной проблематике. Интересно, почему возникли такие диспропорции. Фактически более или менее сбалансированными по соотношению российских и зарубежных участников были второй (10 зарубежных и 8 российских участников), четвертый (8 зарубежных и 7 российских участников) и пятый (12 зарубежных и 9 российских участников) симпозиумы. Зато на первом и третьем симпозиумах российские участники почти полностью отсутствовали. Это говорит об определенном отношении российских специалистов к соответствующим направлениям исследований. Например, гендерная тематика уже давно является одной из наиболее популярных в западной антропологии. В нашей науке она активно изучалась в 1920—1950-е годы, после чего интерес к ней резко упал, и в свое время мне стоило больших усилий, чтобы побудить наших молодых исследователей снова к ней вернуться [3].

С другой стороны, проблемы агрессивности и миротворчества в традиционных обществах в нашей науке в прошлом вовсе не изучались. И тем не менее, организуя соответствующий симпозиум вместе с П. Уисснер (Андехс), я нашел большое понимание у наших специалистов, представивших ряд весьма интересных сообщений. Очевидно, на это повлиял рост межэтнической напряженности в нашей стране и у ее пределов в последние годы, пробудивший у ученых интерес к истокам агрессивности и поиску путей к смягчению конфликтов.

Вызывает огорчение, что российские ученые практически проигнорировали первый симпозиум, который был основным на Конгрессе. Лишь один доклад на нем был сделан российским ученым. И это в год коренных народов, и это тогда, когда проблемы земельных, политических и культурных прав коренных народов Севера вот уже не первый год находятся в центре внимания российской общественности, и это тогда, когда на Севере сложилась угрожающая ситуация. К сожалению, в симпозиуме не участвовали и те наши специалисты, которые неоднократно занимались подготовкой законодательств по Северу. Такая пассивность и индифферентность российских ученых были очень заметны и остались непонятными нашим зарубежным коллегам. И вполне оправдан заданный Ричардом Ли вопрос о том, почему российские ученые предпочли активно обсуждать проблемы традиционных ритуалов (было несколько российских докладов по медвежьему культу), а не животрепещущие социально-политические проблемы современного Севера. Ответа на этот вопрос он так и не получил.

Как бы то ни было, на первом симпозиуме широко рассматривались проблемы коренных охотничье-собирательских народов в современном контексте. Многие из выступавших подчеркивали, что стремление ряда государств, в том числе и третьего мира, к модернизации, к широкому промышленному освоению природных ресурсов (лес, газ, нефть, другие полезные ископаемые) или к созданию национальных парков неизбежно вызывает у властей желание коренным образом изменить традиционный образ жизни коренных народов, перевести их на оседлость и резко сузить традиционные ареалы их обитания. В прошлом это наблюдалось в США, Канаде и Австралии, а в последние десятилетия — в странах третьего мира (Индии, Танзании, Ботсване, Намибии). То же, как мы знаем, происходило и в России. Это вело, с одной стороны, к резким изменениям в хозяйстве и культуре — к росту занятости в сферах наемного труда (например, участию аборигенов Кимберли в горных разработках, в скотоводстве, в сфере обслуживания), но с другой — к утрате своей культуры, традиционных ценностей, языков. Все эти процессы рассматривались отдельными докладчиками на материалах Ботсваны (Р. Хичкок, Линкольн), Намибии (М. Биселе, Остин), Танзании (Д. Ндагала, Дар-эс-Салам; Б. Кааре, Лондон), Индии (Д. Венкатесан, Дели; Г. Пракаш Редди, Тирупати; Р. Манн, Дели), цимшиан Британской Колумбии (Д. МакДоналд, Торонто), айнов Японии (Т. Иримото, Саппоро). Как правило, такие процессы вели к обнищанию и стрессу среди коренных обитателей.

Однако, как показал Ф. фон Бремен (Мюнхен) на примере аирео Северо-Западного Парагвая, столь печальные результаты не были фатально обусловлены. У аирео традиционные институты сохранились, хотя и обрели новое содержание. Иными словами, при определенных условиях модернизация может и не приводить к полному краху традиционной культуры.

Некоторые западные исследователи посвятили свои выступления России. Д. Шиндлер (Санбэри), проведя сравнительный анализ ситуации, сложившейся у народов Севера, попыталась выявить их перспективы в условиях перехода к рыночной экономике. Д. Андерсон (Кэмбридж), опираясь на собственные исследования, подчеркнул большую положительную роль опыта эвенков Таймыра по развитию своих неформальных политических структур. Требование коллективных прав, в частности права на автономию и самоуправление, которое докладчик сблизил с желанием сохранить «государственный социализм», по его мнению, создает важную модель, полезную для любых других коренных народов мира. Однако судьба рассмотренного движения в условиях перехода России к «монополистическому капитализму» внушает автору опасения.

Действительно, мировой опыт показывает, что становление капитализма, первоначальное накопление капитала всегда ударяло первым делом по наиболее уязвимым группам населения, прежде всего по небольшим этнокультурным общностям коренных обитателей, которые подвергались гонениям,

насильственным переселениям, этноциду и даже геноциду. Сейчас и в России имеется такая угроза, и надо отдавать себе в этом отчет [4]. Поэтому определенный интерес вызывает доклад С. Соколовского (Москва) о необходимости совершенствовать международное и национальные законодательства, касающиеся прав коренных народов. Докладчик справедливо указал на необходимость выработки более однозначных определений индивидуальных и коллективных прав, которые сплошь и рядом приходят в противоречия. И действительно, как показывает мой опыт, такие противоречия неоднократно вызывали конфликты как между североамериканскими индейцами и властями, так и внутри самих индейских общин. Докладчик призвал выработать более четкие определения таких понятий, как «коренной народ», «территориальная автономия», статус территории традиционного природопользования. Он совершенно правильно поставил вопрос об особой ценности земли для выживания коренных народов.

Для нас весьма содержательным было и сообщение Мари Руэ (Париж) о последствиях соглашения 1975 г. по Джеймс-Бэй (Квебек, Канада) для выработки новой системы управления местными территориями, в которой наряду с евро-канадской бюрократией теперь участвуют и представители местных индейских (кри) и инуитских общин. Иначе говоря, результатом этого соглашения стала частичная коренизация местных властных структур, подобно тому, как это происходило в СССР в 1920—1930-е годы. К сожалению, у нас этот опыт оказался забытым, исследователи прошли мимо него. Между тем, судя по данным М. Руэ, он мог бы дать богатую пищу для размышления о том, как происходит взаимодействие между бюрократами разного этнического происхождения, как разграничиваются их полномочия и кто кем и в каких ситуациях способен манипулировать.

Задуматься о судьбах современных общественных движений заставляет доклад Ольги Гостин (Аделаида), посвященный столкновению интересов зеленого движения и австралийских аборигенов по вопросам охоты, добычи полезных ископаемых, археологических исследований. Эта тенденция вызывает тревогу в особенности потому, что сначала зеленые поддерживали требования аборигенов, в частности помогали им в защите их культовых мест. С точки зрения дальнейшего взаимопонимания между российской и зарубежной наукой важным был доклад П. Швайцера (Фэрбенкс), который попытался сопоставить направления исследований традиционных культур охотников и собирателей в западной и отечественной научной мысли. Это тем более оправданно, что до сих пор российские ученые знают много больше о современных теориях и направлениях исследований на Западе, чем западные специалисты об истории изучения охотников и собирателей в России.

Симпозиум по экологии и демографии был посвящен в целом адаптивным способностям охотничье-собирательских общин, в особенности в условиях модернизации, которая нарушает традиционный образ жизни со всеми вытекающими из этого последствиями. В последние годы в зарубежной науке широко дебатируется вопрос о том, могут ли охотники-собиратели вести неземледельческий образ жизни в зоне влажного тропического леса. Когда-то считалось, что влажный тропический лес необычайно богат разнообразными пищевыми ресурсами, и именно эту зону в первую очередь люди начали заселять уже в древнейший период. В последние годы проведение специальных этноэкологических исследований заставило некоторых специалистов в этом усомниться, что вызвало затяжную дискуссию. Оппонентами новой тенденции выступили на конференции К. Гуд (Разерфорд) и М. Спригз (Канберра), которые, используя очень разные данные, настаивали на том, что охотники-собиратели все же могли существовать в условиях влажного тропического леса. Особенно убедительной представляется позиция Спригза, который оперировал новыми археологическими данными с Архипелага Бисмарка и Соломоновых островов, где человек впервые появился 30 тыс. лет назад, т. е. в безусловно доземледельческую эпоху. К названным докладам примыкало сообщение Луиса Борреро (Буэнос-Айрес) о начале заселения южных холодных районов Патагонии.

В целом же доклады на рассматриваемом симпозиуме касались процессов модернизации и ее тяжелых последствий для охотников и собирателей. Так, на Андаманских островах происходит вымирание коренных обитателей (В. Сударсен, Мадрас), агта о-ва Лусон столкнулись с опасностью полностью потерять свое этническое лицо в ходе массового наплыва иноязычного и инокультурного населения (Т. Хэдленд, Д. Хэдленд, Даллас), на севере России отмечается рост смертности среди коренного населения (Д. Богоявленский, Москва), в частности, неблагоприятная демографическая ситуация зафиксирована у манси (Е. Пивнева, Москва) и саамов (Т. Иванова, Москва). По всему северу, российскому и зарубежному, нарастает смертность от несчастных случаев, как правило, вследствие злоупотребления алкоголем. Растет число убийств и самоубийств, причем группой наивысшего риска являются юноши и молодые мужчины (26—29 лет), холостые и семейные в равной степени. Все это — очень тревожные факты. Не меньшие опасения вызывает значительное загрязнение окружающей среды на Севере вследствие промышленной деятельности (Т. Лукьянченко, Москва).

Впрочем, кое-где коренным жителям удается успешно приспособиться к новым условиям и избежать кризиса. По данным М. Уиттлеса (Сэкс Харбор), в ответ на сокращение популяции северного оленя и сужение рынка пушнины инуиты о-ва Бэнкс перешли к охоте на мускусного быка, популяция которого возросла, а с 1990 г. стали разводить мускусных быков на экспорт. Это — достаточно интересный пример перехода от охоты к скотоводству в контактных условиях.

И тем не менее, ситуация, складывающаяся у коренных народов, в особенности на российском Севере, требует государственного вмешательства, иначе и в России может произойти то, чего ей в основном все же удавалось избежать в течение последних столетий, — вытеснение коренных народов с их исконных территорий и вымирание этих народов. О том, как этого можно избежать, на конгрессе говорила О. Мурашко (Москва). Она исходила из общепризнанного факта, что этническое существование коренных народов невозможно без сохранения и развития традиционных культуры и системы природопользования. С ее точки зрения, было бы целесообразно разработать этноэкологическое законодательство, обеспечивающее сохранение территорий и способов традиционного природопользования. Она назвала это этноэкологическими рефугиумами. Это предложение, безусловно, заслуживает

внимания. Беда лишь в том, что необходимую для его реализации научную базу необходимо создавать практически заново, ибо экологическая антропология пока что не получила у нас должного развития, и для многих регионов Севера такая работа еще предстоит. Особого внимания требует изучение традиционного и фактического пищевого рациона на Севере и его связи со здоровьем. Между тем нам остро не хватает квалифицированных специалистов, которые могли бы заняться такими исследованиями.

Симпозиум по гендерной проблематике дал интересные результаты, связанные с вариативностью решения соответствующих вопросов разными обществами. Сравнительные исследования показали, что в современном мире происходят довольно неоднозначные изменения. Например, если у агта о-ва Лусона (П. Байон Гриффин, Гонолулу) и у бушменов Ботсваны (Р. Ли, Торонто; С. Кент, Норфолк) оседание и начатки производящего хозяйства ведут к переходу от равенства полов к падению статуса женщин, то у некоторых групп аборигенов Австралии (Р. Тонкинсон, Нэдлендз), как будто бы, напротив, женщины становятся более активными в новых для себя сферах. Последнее наблюдается и у инупиат/инуитов и юпик на Аляске, где женщины в последнее время активно участвуют в торговле, выступают на политической арене, даже занимают руководящие посты (К. Джоллэс, Сиэттл). Впрочем, по мнению Л. Эллянны (Фэрбенкс), ранние авторы недооценивали роль женщин в таких обществах, и по аналогии с «большим человеком» она предлагает говорить о «больших женщинах» в традиционных обществах инуитов.

На Западе вот уже несколько десятилетий развиваются исследования по «антропологии войны». В России эта тема долгие годы считалась неактуальной, хотя в последнее время в нашей стране создалась очень напряженная ситуация, атмосфера насыщена конфликтностью, и у южных границ то и дело вспыхивают очаги вооруженной конфронтации. Вряд ли наука может оставаться в стороне от этого. А между тем проблема агрессии и миротворчества и до сих пор ютится где-то на периферии наших научных интересов. Поэтому проведение такого рода симпозиума фактически впервые в истории нашей науки казалось мне чрезвычайно важным. На симпозиуме шла речь о фундаментальных явлениях человеческой культуры — о реакции на чужестранца в разных культурных традициях, о роли культурных традиций, в частности поведенческих стереотипов в поддержании той или иной атмосферы в отношениях между людьми, в том числе о роли особых культурных концепций, способствующих снижению агрессивности. Рассматривались также причины конфликтов, специфика их развития и управления ими в разных культурных средах, особенности и результаты миротворческого поведения, проблемы вооруженных столкновений у охотников и собирателей, включая особенности вооружения, военной тактики, воинского статуса, а также роль магии и религии в развитии конфликтов и их разрешении. В частности, Кори ван дер Слуйс (Лейден) проанализировала специфические концепции, которые помогали джахаи (п-ов Малакка) снижать конфликтность, ибо гнев и агрессивность там ассоциировались с безумным божеством грома, а с ним старались не связываться. По данным П. Бахуше (Париж), пигмеи-ака (ЦАР) считали, что зависть, клевета, ссоры отталкивали духов-помощников, а это грозило неудачами в охоте и прочими несчастьями.

Вместе с тем в современных условиях общины охотников и собирателей претерпевают серьезные изменения: переход к оседлости, рост размеров общин, замена родственных связей на соседские, появление и нарастание имущественной дифференциации, рост вариативности индивидуальных интересов — все это подрывает прежнюю общинную солидарность. Соответственно падает и роль традиционных институтов и механизмов по решению конфликтов. М. Гриффин (Урбэна) выявил все эти процессы у агта о-ва Лусон, а Д. Бриггс (Сэнт Джонз) и Р. Кондон (Фейеттвиль) — на примере инуитов Аляски.

Большой интерес западных коллег вызвали доклады российских ученых о развитии военного дела и военной организации у коренных обитателей Сибири — ненцев и обских угров (А. Головнев, Тобольск; В. Васильев, Москва; Л. Чиндина, Томск), чукчей и коряков (Е. Батьянова, Москва), народов Нижнего Амура (А. Смоляк, Москва). Это один из важнейших результатов симпозиума, так как сибирские материалы заставляют существенно скорректировать некоторые схемы и модели, выработанные западными специалистами по антропологии войны. Симпозиум имел огромное значение и для российских ученых, открыв перед ними совершенно новые перспективы исследований в новой для них области. Надо надеяться, что он станет стимулом для российских специалистов к серьезному изучению вопросов войны и мира в разных социокультурных контекстах.

Как уже отмечалось, одним из самых крупных был симпозиум, посвященный символике, ритуалам и групповой идентификации. Он дал чрезвычайно много нового в области как конкретных данных, так и концепций, которые, к сожалению, не представляется возможным сколько-нибудь детально представить в этом кратком сообщении. Достаточно назвать лишь основные темы, фигурировавшие на симпозиуме. Это культ медведя (Е. Алексеенко, С.-Петербург; А. Ким, Томск; Н. Новикова, Москва; К. Скотт, Монреаль), престижный тотемизм у народов северо-западного побережья Северной Америки (А. Гринев, Барнаул), социальная роль наскального искусства у бушменов в контактной ситуации (Т. Даусон, Иоганнесбург), вообще роль местной духовной культуры в самоидентификации коренных народов в условиях модернизации (Д. Вудберн, Лондон — о хадза Танзании) и, в частности, в легитимизации своего сопротивления экспансии чужеродной культуры (Х. Файт, Гамильтон — о кри Квебека и И. Тернер, Шарлоттесвиль — об инуитах). Прозвучали интересные сообщения о социально-экономической роли практики имянаречения у бушменов и ее изменениях в условиях контактов с соседними народами (Т. Уидло, Лондон), о различиях художественных стилях, связанных о тотемизмом и шаманизмом (Т. Инголд, Манчестер), об особенностях представлений охотников-собирателей, об их связях с природной средой (Р. Брайтман, Чикаго).

Обсуждалась и малоизученная проблема этнокультурной идентичности австралийских аборигенов. С. Харгрейв (Дарвин) продемонстрировала ошибочность концепции, встречающейся, кстати, и в

работах некоторых отечественных австраловедов, согласно которой австралийские аборигены представляют собой единую недифференцированную общность. На самом деле современные австралийские аборигены, во-первых, разбиваются на множество разных культурных групп, а во-вторых, имеют несколько разных идентификаций, которыми они оперируют в зависимости от обстоятельств. Еще дальше пошел Я. К и и н (Канберра), попытавшийся продемонстрировать, что между аборигенами-йолнгу и их соседями не было сколько-нибудь строгих социальных или культурных границ. Иначе говоря, судя по работам современных австраловедов-полевиков, проблема идентификации у австралийских аборигенов оказывается гораздо более сложной, чем это представлялось многим авторам до недавнего времени. Мне этот факт представляется тем более заслуживающим внимания, что вот уже более 10 лет назад мне пришлось выступать в печати с идеей аморфности, расплывчатости этнокультурных группировок у бродячих охотников и собирателей, которые по своему облику во многом отличались от современных этносов [5]. Это шло вразрез с господствовавшей тогда советской теорией этноса [6] и осталось практически незамеченным. Между тем сейчас я бы сформулировал свою позицию еще резче: исходя из современных данных и их нового осмысления, вряд ли можно говорить о появлении этносов, какими мы их сегодня представляем, в эпоху первобытности.

В заключение участники конгресса приняли несколько резолюций по защите прав коренного населения на свои традиционные территории, а также о необходимости экологической помощи в зоне особой загрязненности (в частности, на Таймыре). На Конгрессе присутствовал Н о е л Б р о а д б е н д (Вашингтон), представлявший Фонд Национальной Науки США, который устроил для наших молодых специалистов консультации о получении грантов на северные исследования. Кроме того, по моей просьбе некоторые участники конгресса привезли в дар библиотеке Института этнологии и антропологии новые книги по социокультурной антропологии в целом и по обществам охотников и собирателей в частности. Все это не может не вызывать чувства благодарности. Наконец, остается поблагодарить тех, кто оказал самую существенную, финансовую, поддержку, без которой Конгресс бы не состоялся, ибо Российская Академия наук оказалась неспособной предоставить какую бы то ни было финансовую помощь. Основные средства были получены от Фонда Национальной Науки США и Фонда Веннер-Грен, что в значительной мере и обеспечило нормальную работу Конгресса. Вопрос о месте проведения следующего конгресса остается открытым: он произойдет либо в Йоханнесбурге (ЮАР), либо в Дели (Индия).

В. А. Шнирельман

Примечания

[1] *Шнирельман В. А.* От единства к многообразию: смена парадигм в изучении обществ охотников, рыболовов и собирателей (по материалам Шестой международной конференции по изучению охотничье-собирательских обществ, 27 мая — 1 июня 1990 г., Фэрбэнкс, Аляска, США)//Советская этнография. 1990. № 6. См. также *Smith E. A.* The current state of hunter-gatherer studies//Current Anthropology. 1991. № 1. V. 32.

[2] *Артемова О. Ю.* Первобытные эгалитарные и неэгалитарные общества//Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. М., 1991; *ее же.* К проблеме собственности на землю у первобытных охотников и собирателей (по австралийским и африканским данным)//Исследования по первобытной истории. М., 1992; *ее же.* Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации//Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. Вся несостоятельность этого подхода с научной точки зрения уже была подчеркнута Ю. И. Семеновым (см. *Семенов Ю. И.* Об «архаическом обществе», классогенезе, политогенезе и еще о десятке подобного же рода сюжетов//Восток. 1993. № 5. С. 199—200). Однако следует иметь в виду, что у этой проблемы есть еще и этническая сторона, особенно актуальная в нынешних российских условиях.

[3] См. обсуждение статьи К. У. Гейли «Диалектика пола в процессе формирования государства»//СЭ. 1990. № 5.

[4] *Шнирельман В. А.* Бикинские удегейцы: политика и экология//Исследования по прикл. и неотложной этнологии. № 43. М., 1993; *Shnirelman V. A.* Are the Udege people once again faced with the threat of disappearance? IWGIA Newsletter. 1993. № 1.

[5] *Шнирельман В. А.* Протоэтнос охотников и собирателей//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982; *его же.* Специфика этнической структуры у охотников, собирателей и рыболовов//Расы и народы. 1982. Вып. 12.

[6] *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973; *его же.* Очерки теории этноса. М., 1983.